

“В кафе”

Михаил Афанасьевич Булгаков

Кафе в тыловом городе.

Покрытый грязью пол. Туман от табачного дыма. Липкие грязные столики.

Несколько военных, несколько дам и очень много штатских.

На эстраде пианино, виолончель и скрипка играют что-то разухабистое.

Пробираюсь между столиками и усаживаюсь.

К столику подходит барышня в белом передничке и вопросительно смотрит на меня.

- Будьте любезны, дайте стакан чаю и два пирожных.

Барышня исчезает, потом возвращается и с таким видом, как будто делает мне одолжение, ставит предо мной стакан с желтой жидкостью и тарелочку с двумя сухими пирожными.

Смотрю на стакан.

Жидкость по виду отдаленно напоминает чай.

Желтая, мутная.

Пробую ложечкой.

Тепленькая, немного сладкая, немного противная.

Закуриваю папиросу и оглядываю публику.

За соседний столик с шумом усаживается компания: двое штатских господ и одна дама.

Дама хорошо одета, шуршит шелком.

Штатские производят самое благоприятное впечатление: рослые, румяные, упитанные. В разгаре призывного возраста. Одеты прелестно.

На столике перед ними появляется тарелка с пирожными и три стакана кофе "по-варшавски".

Начинают разговаривать.

“In the Café”

Mikhail Afanas'evich Bulgakov

A café in a city far from the front.

A filthy floor. Fog from tobacco smoke. Sticky, dirty little tables.

Several soldiers, several ladies, and a lot of civilians.

On the stage a piano, cello, and violin play a rollicking tune.

I make my way among the little tables and take a seat.

A young lady in a little white apron comes up to my table and looks at me questioningly.

“Would you be so kind as to get me a cup of tea and two pastries?”

The young lady disappears, then returns looking like she was doing me a favor and puts a cup full of yellow liquid and a plate with dry pastries in front of me.

I look at the cup.

The liquid has an appearance that vaguely resembles tea.

Yellow, cloudy.

I try it with a spoon.

It is warmish, a little sweet, a little disgusting.

I light up a cigarette and have a look at the crowd.

At the neighboring table a group sits down noisily: two civilian gentlemen and a lady.

The lady is well-dressed, she rustles her silk.

The civilians make the nicest of impressions: tall, ruddy, well-fed. At the peak of draft age. Dressed charmingly.

On the little table in front of them appears a plate with pastries, then three cups of “Warsaw” coffee.

They start up a conversation.

The words of the civilian in patent leather dress shoes, the one sitting closest to me, make their way through the air in snippets.

До меня обрывками долетают слова штатского в лакированных ботинках, который сидит поближе ко мне.

Голос озабоченный.

Слышно:

- Ростов... можете себе представить... немцы... китайцы... паника... они в касках... сто тысяч конницы...

И опять:

- Ростов... паника... Ростов... конница...
- Это ужасно, - томно говорит дама. Но видно, что ее мало тревожит и стотысячная конница, и каски. Она, щурясь, курит папироску и блестящими глазами оглядывает кафе.

А лакированные ботинки продолжают шептать.

Фантазия моя начинает играть.

Что было бы, если я внезапно чудом, как в сказке, получил бы вдруг власть над всеми этими штатскими господами?

Ей-Богу, это было бы прекрасно!

Тут же в кафе я встал бы и, подойдя к господину лакированных ботинок, сказал:

- Пойдемте со мной!

- Куда? - изумленно спросил бы господин.

- Я слышал, что вы беспокоитесь за Ростов, я слышал, что вас беспокоит нашествие большевиков.

- Это делает вам честь.

- Идемте со мной, - я дам вам возможность записаться немедленно в часть. Там вам моментально дадут винтовку и полную возможность проехать на казенный счет на фронт, где вы можете принять участие в отражении ненавистных всем большевиков.

Воображаю, что после этих слов сделалось бы с господином в лакированных ботинках.

Он в один миг утратил бы свой чудный

An apprehensive voice.

Audibly:

"Rostov... you can imagine for yourself... Germans... Chinese... panic... they have helmets on... one hundred thousand cavalry..."

And again:

"Rostov... panic... Rostov... cavalry..."

"That is terrible," languorously says the lady. But it is obvious that neither the one hundred thousand cavalrymen nor the helmets bother her very much. Rustling in her silk, she smokes a cigarette and looks about the café with sparkling eyes.

And the patent leather dress shoes continue to whisper.

My imagination begins to play.

What would happen if, by a sudden miracle, like in a magic tale, I instantly gained power over all of these civilian gentlemen?

Good God, it would be wonderful!

Right here in this café, I would get up, go over to the gentleman in his patent leather dress shoes, and say:

"Come with me!"

"Where to?" the flabbergasted gentleman would ask.

"I heard how you were worried about Rostov; I heard how you are worried about the advance of the Bolsheviks."

"That does you credit."

"Come with me, I will give you the opportunity to sign up in a unit right away. They will give you a rifle that very moment and a full-ride opportunity to go to the front at state expense, where you will be able to take part in driving back those much hated Bolsheviks.

I can imagine what would happen with this gentleman in the patent leather dress shoes after hearing that.

In one moment he would lose his amazing ruddy complexion, and a piece of pastry

румянец, и кусок пирожного застрял бы у него в горле.

Оправившись немного, он начал бы бормотать.

Из этого несвязного, но жаркого лепета выяснилось бы прежде всего, что наружность бывает обманчива.

Оказывается, этот цветущий, румяный человек болен... Отчаянно, непоправимо, неизлечимо вдребезги болен! У него порок сердца, грыжа и самая ужасная неврастения. Только чуду можно приписать то обстоятельство, что он сидит в кофейной, поглощая пирожные, а не лежит на кладбище, в свою очередь поглощаемый червями.

И наконец, у него есть врачебное свидетельство!

- Это ничего, - вздохнувши, сказал бы я, - у меня у самого есть свидетельство, и даже не одно, а целых три. И тем не менее, как видите, мне приходится носить английскую шинель (которая, к слову сказать, совершенно не греет) и каждую минуту быть готовым к тому, чтоб оказаться в эшелоне, или еще к какой-нибудь неожиданности военного характера. Плюньте на свидетельства! Не до них теперь! Вы сами только что так безотрадно рисовали положение дел...

Тут господин с жаром залепетал бы дальше и стал бы доказывать, что он, собственно, уже взят на учет и работает на оборону там-то и там-то.

- Стоит ли говорить об учете, - ответил бы я, - попасть на него трудно, а сняться с него и попасть на службу на фронт - один момент!

Что же касается работы на оборону, то вы... как бы выразиться... Заблуждаетесь! По всем внешним признакам, по всему вашему поведению видно, что вы работаете только над набивкой

would get stuck in his throat.

Beginning to regain his feet, he would start to mumble.

From this disconnected, but passionate babble it would first and foremost become clear that external appearances can be misleading.

As it turns out, this blossoming, ruddy person is ill... Unable to get better, unresponsive to medical treatment, hopelessly, shatteringly ill! He has a cardiac malformation, a hernia, and the very worst sort of neurasthenia. Only by a miracle can one explain the present situation, that he is sitting in a café swallowing pastries instead of laying in a cemetery not eating, but being eaten by worms.

And what is more, he has the written testimony of a doctor!

"That's okay," I would say, sighing, "I myself have the written testimony of a doctor, and not just one, but three entire testimonies. And none-the-less, as you see, I am forced to wear an English overcoat (which, I might add, simply does not warm a thing) and every minute I must be prepared to turn up in a transport car, or in some other sort of unexpected situation of the military sort. Spit on these doctors' testimonies! There is no time for them! You yourself just a moment ago were describing the dire situation..."

Here the gentleman would heatedly start babbling on, trying to prove that he is already registered and works for the defense efforts at various places.

"Is it really worth discussing registration," I would answer, "since it is hard to get, but getting released from it and winding up at the front takes all of one minute!"

"As concerns working for the defense, you have been, how should I put it..., led astray! According to all external signs, according to your every behavior it is obvious that you are

собственных карманов царскими и донскими бумажками. Это, во-первых, а во-вторых, вы работаете над разрушением тыла, шляясь по кофейным и кинематографам и сея своими рассказами смуту и страх, которыми вы заражаете всех окружающих. Согласитесь сами, что из такой работы на оборону ничего, кроме пакости, получиться не может!

Нет! Вы, безусловно, не годитесь для этой работы. И единственно, что вам остается сделать, это отправиться на фронт!

Тут господин стал бы хвататься за соломинку и заявил, что он пользовался льготой (единственный сын у покойной матери, или что-то в этом роде), и наконец, что он и винтовки-то в руках держать не умеет.

- Ради Бога, - сказал бы я, - не говорите вы ни о каких льготах. Повторяю вам, не до них теперь!

Что касается винтовки, то это чистые пустяки! Уверяю вас, что ничего нет легче на свете, чем выучиться стрелять из винтовки. Говорю вам это на основании собственного опыта. Что же касается военной службы, то что ж поделаешь! Я тоже не служил, а вот приходится... Уверяю вас, что меня нисколько не привлекает война и сопряженные с нею беспокойства и бедствия.

Но что поделаешь! Мне самому не очень хорошо, но приходится привыкать!

Я не менее, а может быть, даже больше вас люблю спокойную мирную жизнь, кинематографы, мягкие диваны и кофе по-варшавски!

Но, увы, я не могу ничем этим пользоваться всласть!

И вам и мне ничего не остается, как принять участие так или иначе в войне, иначе нахлынет на нас красная туча, и вы

working for nothing more than the padding of your own pockets with tsarist and Don currency. That's one thing, and another thing is that you are working for the destruction of the home front, gadding about cafés and cinemas and spreading your stories of confusion and fear, by which you are infecting all those around you. You yourself must agree that nothing but filth can come of such work for the defense!"

"No! You, unconditionally, are of no use for that job. And the only thing that remains for you to do is to head for the front!"

Here the gentleman would start grasping at straws and would announce that he belongs in a category excepted from service (the only son of a dead mother, or something like that), and finally, that he doesn't even know how to hold a rifle.

"For God's sake," I would say, "don't tell me about any exceptions. I'm telling you, there is no time for them now!"

"As far as rifles are concerned, that's just nonsense! I assure you that there is nothing easier in this world than to learn to shoot a rifle. I'm telling you that based on my own experience. And concerning military service, what can you do? I wasn't serving either, but now I am having to... I assure you, that war, with its accompanying worries and trials, did not attract me in the least."

"But what can you do! I'm not very well myself, but I'm having to get used to it!"

"I no less than you, and perhaps even more than you, love the quiet, peaceful life, cinematography, soft couches, and "Warsaw" coffee!"

"But, alas, I can enjoy none of these things to my heart's content!"

"Neither you nor I have any option left except to take part in some way or another in the war, otherwise the red storm cloud will sweep down upon us, and you yourselves

сами понимаете, что будет...

Так говорил бы я, но, увы, господина в лакированных ботинках я не убедил бы.

Он начал бы бормотать или наконец понял бы, что он не хочет... не может... не желает идти воевать...

- Ну-с, тогда ничего не поделаешь, - вздохнув, сказал бы я, - раз я не могу вас убедить, вам просто придется покориться обстоятельствам!

И, обратившись к окружающим меня быстрым исполнителям моих распоряжений (в моей мечте я, конечно, представил и их как необходимый элемент), я сказал бы, указывая на совершенно убитого господина:

- Проводите господина к воинскому начальнику!

Покончив с господином в лакированных ботинках, я обратился бы к следующему...

Но, ах, оказалось бы, что я так увлекся разговором, что чуткие штатские, услышав только начало его, бесшумно, один за другим, покинули кафе.

Все до одного, все решительно!

.....
Трио на эстраде после антракта начало "Танго". Я вышел из задумчивости. Фантазия кончилась.

Дверь в кафе все хлопала и хлопала.

Народу прибывало. Господин в лакированных ботинках постучал ложечкой и потребовал еще пирожных...

Я заплатил двадцать семь рублей и, пробравшись между занятыми столиками, вышел на улицу.

"Кавказская газета", 5/18 января 1920 г., э 4(84).

understand what will happen then..."

That's how I would speak, but, alas, I would not convince the gentleman in the patent leather dress shoes.

He would start to mutter or finally would understand that he doesn't want, can not, does not desire to go fight...

"Well then, you can't help it," sighing, I would say, "if I can't convince you, you'll just have to submit to the circumstances!"

And, turning to the efficient executors of my orders that surround me (in my dream I, of course, also imagined them as an obligatory element), I would say, pointing at the completely deflated gentleman:

"Take this gentleman to the commanding officer!"

Having dispatched the gentleman in the patent leather dress shoes, I would turn to the next one...

But, ah, as it would turn out, I had gotten so carried away with the conversation that the sensitive civilians, having heard only the beginning of it, noiselessly, one after the other, left the café.

Decidedly all of them, to the very last one!

.....
After the intermission the trio on the stage began playing "Tango." I came out of my reverie. The fantasy was over.

The door to the café banged and banged.

The crowd expanded. The gentleman in the patent leather dress shoes knocked with his spoon and demanded some more pastries...

I paid twenty seven rubles and, making my way among the occupied little tables, went outside.

The Caucasian Newspaper, 5/18 January, 1920 (э 4(84))